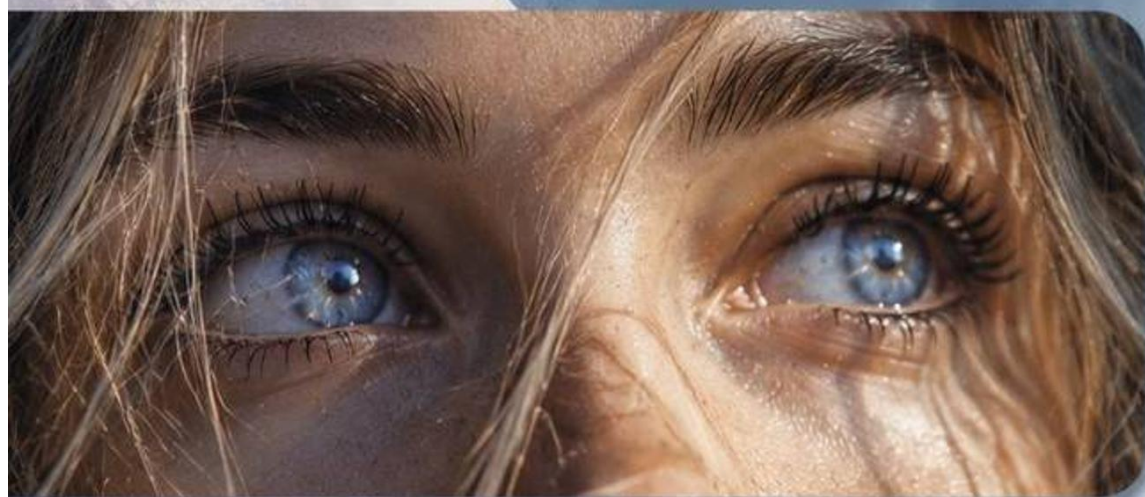
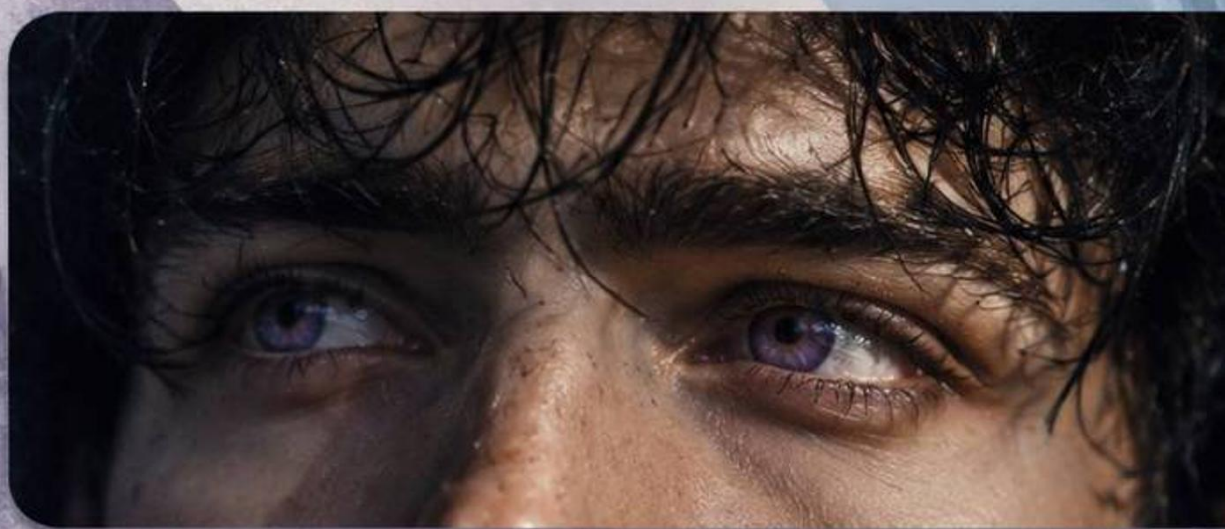

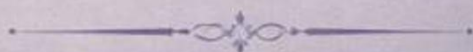
ВЕТЕР В РАСПАХНУТОМ ОКНЕ

Иногда между
нами — лишь ветер.
И одно незакрытое
окно.

ВИКТОР ОРМУНД

Виктор Ормунд

Ветер в распахнутом окне

«Автор»

2026

Ормунд В.

Ветер в распахнутом окне / В. Ормунд — «Автор», 2026

Сольвейн, молодая наемница, скрывает от семьи свою работу. Получив от отца щедрый подарок на день рождения, она подозревает неладное и берется за странный заказ: сопровождать таинственного незнакомца по подземным каналам столицы. Ее спутник скрывает имя, носит драгоценную брошь из редкого металла и утверждает, что хочет найти источник загадочного отравления. Спустившись во тьму, Сольвейн сталкивается не только с подземными тварями, но и с последствиями чужого замысла, в котором ее отец может быть замешан.

© Ормунд В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Путь, проложенный холодным солнцем	5
Глава 2. Фиалка, укрытая черными перьями	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виктор Ормунд

Ветер в распахнутом окне

Глава 1. Путь, проложенный холодным солнцем

— Сольви, — окликнул ее тот, чей подарок она так и не получила. — Увидимся в следующем году?

Прежде чем отвернуться от горящих впереди фонарей, она растянула губы в подобие улыбки. Искренних для него не осталось.

— Брось монетку в воды Нерита вместо меня, — усмехнулась она через плечо и направилась прочь от здания гильдии, оставляя позади и этого болвана в своей кожаной жилетке, и всякую надежду на поцелуй.

Непривычно теплый ветерок касался раскрасневшихся щек. Сольвейн подняла руку в перчатке и приложила к лицу тыльную сторону ладони. Стальные пластинки, холодные, словно вода в горном ручье, увы не могли бодрым потоком смыть хлынувшие воспоминания. Глупые шутки и цветы без обещаний. Неужели она все придумала?

Ее кожаные сапоги скрипели от каждого шага, а каблуки угрюмо стучали по мостовой. Она слышала только это — шаги и навязчивую, почти осязаемую мысль, которая должна была воплотиться прямо сейчас, в руке, что мягко ляжет на ее плечо, в голосе, с хрипотцой, ставшим до боли знакомым, и прощании, что останется на ее губах. Это разве много?

— Эй, с дороги!

Крик и хлест поводьев выдернули из мыслей.

— Мне на изгородь залезть? — огрызнулась она и пнула кованую оградку.

Мужчина на козлах не удостоил ответом — даже не обернулся. Сольвейн проводила грохочущую телегу сердитым взглядом и сдула со лба упавшую прядь.

К дому идти еще полчаса, переодеться к ужину еще минут двадцать. Или больше? Снять сапоги, наплечники и ремень с ножнами, спрятать экипировку и быстренько отмыться — минут шесть. А вот мысль о шнуровке корсета заставляла тяжело вздохнуть. Может, отец забыл о ее дне рождения и лег спать пораньше? Колокол собора Доминиума едва отметил седьмой вечерний час, потому платья избежать не удастся.

С широкого прямого проспекта Сольвейн свернула вправо. Привычная, но совершенно неуместная сейчас улица с деревьями по краям дороги. Глядя на спящие вишни, что пронзали вечернее небо острыми ветками, она мысленно поблагодарила Архитектора. Его милостями на голову не падают лепестки, романтично путаясь в волосах. Мысль вновь обожгла несостоявшимся прощанием, и Сольвейн, недовольно пропыхла носом, поджала губы и ускорила шаг.

На углу показалась знакомая пекарня, чьи двери неизменно украшал отпечаток пятерни, оставленный мукой, а за ней — аллея с двухэтажными особняками из красного кирпича. Из окон лился теплый свет, оставляя желтые прямоугольники на ухоженных лужайках.

Проходя мимо патрульных, Сольвейн опустила голову, затем украдкой обернулась, убеждаясь, что не привлекла внимание стражников. Кроме них под светом фонарей никого не было, — десять медленных вдохов, — и перед своим домом осталась только она. Старый соседский пес тут же учуял ее, зазвенела цепь и сквозь оградку к ней потянулась слюнявая морда.

— Тише ты, — улыбнулась она, просунула руку через прутья и потрепала пса за ухо. — Если не сдашь меня, завтра вынесу тебе, м-м... как насчет кусочка пирога?

Из-под перепачканной пылью белой шерсти раздался жалобный скулеж.

— Вот и умница, — шепнула она и бесшумно скользнула в проход между участками.

Оказавшись под дубом, Сольвейн положила ладонь на крепкую ветку и еще раз осмотрелась. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь решил, будто в дом лезет воровка. Первая ветка, вторая, шорох коры под подошвами.

Вдруг слух уловил краткий звук — кто-то отряхнул ладони, а затем:

— ...так, как вы и сказали, — из-за дома донесся голос отца. — В коллегии строителей никто не задал ни одного вопроса.

— Надеемся на вас, господин, — прозвучало надменно, однако чисто и глубоко, словно собеседник весь день провел, воспевая в хоре величие короля.

Послышался хруст гравия, скрип двери и вечер вновь стал безмолвным. Лишь грохот колес и цокот копыт приглушенно долетали с более оживленных улиц.

Сольвейн нахмурилась и схватилась за следующую ветку, долезла до окна в свою комнату и с тонким скрипом отворила окно.

— Госпожа! — вскрикнула служанка.

— Не вопи! — зашипела она, выпучив глаза, и спрыгнула с подоконника на ковер.

Девушка шумно выдохнула, поправила чепчик и надула щеки.

— Вы обещали не задерживаться.

— Я же говорила, что не могу не попрощаться с отрядом. Лучше помощи — принеси воду и...

— Все уже готово, — отмахнулась служанка.

Под ее ворчание — что-то про благородство и вульгарное поведение — Сольвейн сняла походную одежду и спрятала ее вместе с коротким клинком под кровать. На столике с зеркалом уже стояла чаша и два сложенных полотенца.

— Ты получаешь свое жалование благодаря мне, — напомнила она служанке, обтирая плечи и шею.

— Но вы могли выбрать любую работу, почему пошли в наемницы? — возмущенно выдохнула та, расчесывая ее волосы. — Что если у вас появятся шрамы? Что если на лице? Кто возьмет вас замуж? Да у вас мозоли на руках! И это, — она ткнула пальцем в ее окрепшую, но не сказать, чтобы внушительную мускулатуру. — Теперь ко всем платьям рукава пришивать.

— Ну хватит причитать, — бросила Сольвейн и опустила руки в чашу с остывшей водой. Умывание, как при нырке в прорубь, перехватило дыхание.

— От вас несет дымом и вином. Только не говорите...

— Всего кружку вина выпила.

— Госпожа, это недопустимо!

— Я уже взрослая.

— Вы стали взрослой лишь сегодня!

— Вельра, довольно! — вспыхнула Сольвейн и легонько шлепнула служанку по руке.

Та, конечно, раскрыла рот и разразилась возмущением. Закатывая глаза, пришлось слушать о жалобе на рукоприкладство, текст которой так и не будет написан.

Когда пушистое полотенце собрало остатки влаги, а у Вельры иссякли уже ставшие привычными оханья и стенания, Сольвейн, наконец, влезла в зеленое платье и собрала руками волосы.

— Не знаешь, с кем встречался отец?

— Господин Сигвард весь день провел в своем кабинете, — доложила служанка, вымещая обиду на шнурках от корсета. Эти же усилия отдавались в ее голосе натужными ударами, — Днем мне удалось подслушать его разговор с представителем коллегии водных мастеров.

— И как?

— Они отклонили предложение. Ваш отец был очень подавлен, даже отказался десерта с сухофруктами. Потому, если за столом его внимание будет поглощено тарелкой, не обижайтесь.

— А после?

— Вроде, никто не заходил.

Сольвейн схватила ртом воздух.

— Полегче, пожалуйста! Ребра мне ломаешь.

Вельра проигнорировала, продолжая утягивать ее талию так, словно госпожа не заслужила ужин в собственном доме.

— Готово, — выдохнула служанка и вытерла со лба никогда не проступающий пот.

Сольвейн посмотрелась в зеркало, поправила светлые волосы, расправила кружево на правом плече и подняла уголки губ. Стоит распустить хвост, переодеться в платье — и в отражении уже была не наемница, а пристойного вида молодая девушка.

— Всегда бы так, — проворчала Вельра и подала длинный шелковый шарф. — Прикройте руки, иначе господин решит, что ваши занятия проходят не в библиотеке, а на складе.

— Не такие уж большие руки, — пробурчала Сольвейн, кутаясь в прохладную розовую ткань.

В коридоре раздался топот, что-то врезалось в стену и дверь открылась от пинка. В комнату влетел мальчишка в желтом жилете поверх рубашки.

— Леви! Стучись, прежде чем войти!

Его лицо прочертила хитрая ухмылка.

— Прости, сестра, — неискренне произнес он и начал скакать вокруг подола, оглушая комнату топотом. — Что тебе подарили наемники? А тот парень? Он...

— Какой парень? — перебила Вельра.

Сольвейн издала гортанное возмущение и схватила брата за плечи.

— Утомись, иначе не покажу новый меч.

Леви взвизгнул от восторга, взял несколько обещаний и со смехом выскочил в коридор. Глядя ему вслед, Сольвейн с сожалением перебирала в голове, клыками каких тварей сможет их исполнить. Вокруг столицы и не водится ничего интересного, на пару дней сходить в западные рощи? Опять отцу врать придется.

Завершив образ легкими замшевыми туфлями без каблуков, она прикрыла глаза и Вельра распылила на нее облачка розовой воды из флакона.

— На всякий случай, я попросила повара приготовить мясо на открытом огне.

— Не может быть, чтобы от меня так сильно пахло табаком и вином, — покачала Сольвейн головой и вышла в коридор.

Поход по лестнице и дальше — через узкую темную прихожую — сопровождался неодобрительными взглядами родственников, взирающих с портретов: прадед, поджав губы, провожал каждый шаг почти ощутимым раздраженным ворчанием; двоюродная тетка, половину которой закрывала стоящая перед ней ваза, улыбалась уголками губ, насмехаясь над их обстоятельствами. Даже изображение матушки, чей взгляд, обычно мягкий, позволяющий расправить плечи, сегодня словно стал печальным, отведенным к вешалке с плащами и пальто с легким разочарованием.

В гостиной с двумя зашторенными окнами, большую часть которой занимал широкий стол, уже сидел отец. И Сольвейн облегченно выдохнула, видя в его руке трубку и легкую дымную вуаль, что покачивалась вокруг его головы.

Три светильника на стенах, зажженный камин и шесть свечей на столе рассеивали полумрак, позолота на шторах мерцала от пламени, блики скользили по гладкому дереву расставленных стульев. На потолке плясали отбрасываемые пламенем тени.

Сольвейн искренне улыбнулась и подошла ближе, шурша платьем.

— Добрый вечер, отец.

Он поднял голову, будто очнувшись от туманного сна, и встал со скрипучего стула.

— Милая, с днем рождения, — устало улыбнулся он и взял ее за руки. — Я уж думал, ты не спустишься.

Отвернувшись, он поднял из тени, что падала на соседний стул, небольшую деревянную шкатулку.

— Надеюсь, тебе понравится.

Под крышкой оказалась серебряная заколка — солнце, прикрытое ветвью ивы. Изогнутые лучи, через один украшенные камушками, сияющими в теплом свете, указывали на все ныне открытые ей направления.

Ее глаза зашипало и Сольвейн не сразу подняла голову.

— Отец, благодарю вас, но... разве мы можем тратить нумма на...

— Не тревожься об этом, — произнес он и подвинул стул, усаживая дочь.

Сольвейн, держа заколку обеими руками, встретила с ним взглядом.

— А как же... — и сразу осеклась, едва не сболтнув подслушанное Вельрой. — То есть, вы же хотели привлечь новых работников.

Стул под ним снова жалобно скрипнул.

— Я не мог оставить тебя без подарка, милая, — пожал он плечами и почесал впалую щеку.

Вскоре прибежал Леви, прыгнул на колени к отцу и начал, прямо захлебываясь словами, рассказывать о вычитанных сегодня шпиглюмах. Сольвейн, ни разу не видевшая статьи о гипнотизирующих кошках в бестиарии гильдии, слушала вполуха. Ее больше занимал отварной горошек, зеленый, как глаза, в которые она больше не хотела смотреть. Она и правда все придумала? А как же прогулки в кленовой роще на западной окраине города? Смех и букеты из алых листьев, залитый теплым светом пожелтевший луг... Она тяжело вздохнула и отпила из бокала.

Отец тихо посмеивался над рассказами Леви, почесывая небритый подбородок каждый раз, когда непоседа поднимал руку и заявлял, что убьет всех чудовищ на свете. Сольвейн доела горошек, чтобы более не отвлекаться на утраченное, и присмотрелась к отцу. При движении на его висках блестела проступившая седина, хотя ему едва исполнилось сорок. Слишком ранние следы никому не нужных услуг по прокладке подземных каналов.

Или нужных? С кем он говорил?

Тихий треск поленьев и звон вилок мерно сменился посапыванием Леви. Братец опустил голову на отцовскую грудь и, судя по счастливой улыбке, наверняка отправился в красочные сны, в которых он ставит ногу, облаченную в сверкающие латные сапоги, на лошадиную голову побежденного экивора.

Беззвучно пожелав друг другу спокойной ночи, отец, с Леви на руках, и Сольвейн разошлись по своим комнатам. Она прикрыла дверь и прислонилась к ней спиной, прикрыв глаза. Тяжесть деревянной шкатулки в правой руке напоминала, что, вероятно, придется взять еще несколько заказов в гильдии, чтобы заранее собрать нумма на налоговый сбор. Но эта мысль пришла с легкой улыбкой, несмотря на то, что одиночные поручения не принесут осеннего заработка. Отец не забыл. Значит, и она не забудет, и завтра вечером, пока он будет на заднем дворе, найдет его учетную книгу и вычислит глубину их упадка.

Повесив платье на спинку стула, она сделала глубокий свободный вдох и потушила свечки. В комнату зашел свет зимней луны, белый, как кожа на ее запястье, и холодный, как чувство, за которое она старалась держаться, чтобы не рычать в подушку от досады.

* * *

Робкое пламя поднялось над горизонтом, касаясь черепичных крыш холодными лучами. В комнату пробрался рассвет — тихий, насколько позволяла ожившая улица, и суровый, стучащий в висках выпитой вчера кружкой вина. Сольвейн еще не открыла глаза, но уже зажмурилась от головной боли. Рангиль, подлец — обещал ведь, что не станет покупать дешевое

пойло. Теперь даже подзатыльник ему не отвесить, наверное, уже качается в седле на пути к озерным долинам.

Она села, свесив ноги с кровати, слушая безжалостный серебряный звон. Семь утра. Вельра уже успела приготовить чашу с водой и полотенца. В круглой глиняной баночке почти не осталось зубного порошка. Сольвейн собрала его по краю щетинками своей щетки, подсчитывая во сколько ей обойдется поход в аптечную лавку. В прошлый раз покупки опустошили кошелек на четыре серебряных — три дня работы на доставке, если не выходить за черту города.

Закончив с умыванием, она достала из комода узкие коричневые штаны и белую рубашку, оделась и накинула сверху приталенную жилетку. Туфли справа от двери показались слишком угловатыми и тесными, потому Сольвейн вытащила из-под кровати походные сапоги до колена, и убедилась, что на темной коже нет дорожной пыли. Так и спустилась к завтраку, перебирая во рту свежую травяную горечь. Отец уже сидел на своем месте спиной к камину.

— Доброе утро, милая, — сразу нахмурился он. — Разве сегодня у тебя есть занятия?

— Нет, — улыбнулась она и села справа от него, поцеловав в щеку. — Вы бы побрились.

Он отстраненно провел пальцами по щетине, но брови не расслабил.

— Если решила прогуляться, найми экипаж, я дам денег на расходы.

Сольвейн наклонилась над столом, сгребая в свою тарелку ломтики ветчины, хлеб и кашницу из вареной фасоли.

— Здесь недалеко, не переживайте, мне полезно будет пройтись, — соврала она, подняла чашку с чаем, звеня фарфором, и спрятала за ней взгляд.

— Пусть снега и нет, это же не повод...

— Отец, — улыбнулась она. — Я уже взрослая девочка и могу за себя постоять.

— И правда, — вздохнул он и отвел взгляд к окну. Крепнувший солнечный свет очертил его лицо, открывая височную впадину, темные круги под глазами и щеки, утратившие всякий намек на минувший достаток. — Жаль, твоя матушка не видит, какой красивой ты стала.

Пришлось на миг задержать дыхание, подавляя подступивший к горлу ком.

— Не такой уж и красивой, — усмехнулась она, совладав с голосом. — Мне до вас далеко. Только посмотрите на свою осанку.

Он повернулся к ней и мягко улыбнулся.

— Только... будь осторожна, — произнес он, затем положил на стол один золотой и добавил, пресекая протесты, — Пусть будет у тебя. Под солнцем Наттлумена плохого не происходит, но... на всякий случай.

Сольвейн кратко улыбнулась и убрала монету в карман штанов. Еда с терпким чаем вернула способность мыслить ясно, но к этому времени отец уже поднялся в свой кабинет. Вопрос о его вчерашней встрече так и повис у нее на языке.

А что она спросит? Прости, отец, в открытое окно на другой стороне дома долетели голоса? Ее глаз дернулся.

Вельра не спустилась, значит, Леви не хочет вылезать из-под одеяла, потому Сольвейн сама собрала тарелки и отнесла на кухню. Дедушка с кустистыми бровями, подрабатывающий их поваром, благодарно забрал посуду и пообещал приготовить на ужин что-то особенное.

— Отложите, пожалуйста, кусочек пирога.

— Вам завернуть с собой? — спросил дедушка.

— Нет-нет, — улыбнулась она, уже представляя грохот цепи. — Я заберу его вечером.

Вернувшись в свою комнату, она убрала в шкаф платье, достала темно-зеленый камзол без украшений, отмечая парочку потертостей на шелковой подкладке. Ну, ничего страшного, главное, что все пуговицы на месте. Привычная тяжесть легла на плечи, внутренние карманы наполнились мелочами: записной книжкой и грифельным стержнем, обмотанным кожаным шнурком, небольшим ножом с блестящей крестовиной и железной фляжкой на несколько глотков воды.

Готовая ко всему, она вышла в коридор и постучала в дверь кабинета.

— Отец?

— Да, милая? — пробормотал он, скрипя пером и не поднимая взгляд от бумаг.

— Я прогуляюсь в центральных кварталах, нужно что-нибудь отнести в Законодворческую палату?

— Н-нет, — задумчиво протянул он и посмотрел на нее. — Шарф не забудь.

— Как раз собиралась взять.

— Вообще... загляни в коллегии водных мастеров, если тебе по пути, — вдруг сказал он и достал из выдвижного ящика стола пухлый конверт.

Сольвейн прошла в кабинет, тихо скрипнув половицами, и взяла документы. Вскоре она, накинув серое пальто, вышла на улицу, вдыхая холодный воздух сквозь крупную шерстяную вязь. Коричневый шарф по-прежнему хранил аромат пролитых на него духов. Дерия, конечно, клялась, что опрокинула целый флакон лавандового масла случайно, и Сольвейн бы охотно в это поверила... если бы не хитрая ухмылка подруги, что появлялась каждый раз при виде этого шарфа на ее шее.

Свет Робкого пламени окончательно разогнал тени в проходах между дворами — холодными лучами рассеял остатки вчерашних обид и похмелья, помогая шагать по мощенной улице с легкой улыбкой на губах и золотым в кармане.

Увы, друзья, обретенные в начале осени, отправились в далекие северные земли, но улицы столицы, грохочущие колесами телег и громкими голосами, не позволяли усомниться ни в возможностях заработать в одиночку, ни в своих способностях. Да и отец сложа руки не сидит.

Сольвейн слегка нахмурилась и прямо на ходу заглянула в конверт, благо отец не стал его запечатывать, и бегло прочла верхние строки первых трех листов. Чертежи и сопроводительные бумаги.

— Подземная река, — пробормотала она и спрятала документы обратно.

Может, отец продал какой-то старый проект? И когда это их семья работала в западных кварталах? Она почесала шею и развязала шарф — все равно не холодно, а от запаха начало клонить в сон.

Пройдя через улицу со спящими вишнями, Сольвейн повернула на широкий, гудящий от прохожих проспект, разглядывая вывески и свое отражение в мутных стеклах. Ее осанка, прямой силуэт и четкий шаг возродили хрупкую мечту о службе в гвардии. Белая форма, серебряные украшения... Хватило бы у нее навыков, чтобы маркиз Эсиль обратил внимание на дочь из рода, едва способного назвать себя благородным? Она мотнула головой, вспоминая рассказы о жесточайших тренировках и... взглядах гвардейцев — пронзительных и безразличных, наблюдающих из-под блестящих серебряных козырьков. Вероятно, она бы так не смогла.

Увернувшись от осла, Сольвейн ускорила шаг — лучше отдать документы в коллегии сразу и освободить руки. Вдруг удастся взять в гильдии пару заказов на доставку. Может, если повезет с поручением из аптеки, и цену на зубной порошок скинут? Не хотелось пользоваться растертой угольной пылью смешанной с травами.

Вскоре вдали блеснул серебряный шпиль собора Доминиума. Будь небо закрыто облаками, он бы пронзил и их, и всякое сомнение в Гармонии Архитектора. Высочайшее здание города — лишь при взгляде на резкое сияние купола по спине пробежали мурашки. А следом за чистым блеском по городу прокатилась незатухающая волна, сотрясая звоном оконные стекла. Восемь утра.

Возле тележки с овощами, стоящей на входе в пустой темный переулок, она притормозила, прислушиваясь к разговору.

— ...стража с Блюстителами, — кивнул продавец, отдавая женщине корзинку.

— И Блюстители?

— В коллегии строителей у меня знакомый, прибежал час назад, сказал не ходить туда. Женщина охнула и приложила пальцы к губам.

— Зараза какая?

Продавец пожал плечами.

— Стражники говорили про какую-то пыль. Может, в строительные смеси что-то не то намешали? Года два назад, кажись, уже было такое.

Сольвейн нахмурилась, однако, более ничего интересного не услышала — женщина начала причитать, а продавец, явно слушающий только звон в ее кошельке, предлагал попробовать новые тыквы.

Сделав крюк, огибая непроницаемый каменный забор Юго-восточного гарнизона стражи, Сольвейн оказалась на ступенях длинного трехэтажного здания из желтого песчаника. Каменный козырек придерживали скромные колонны. Тяжелые двустворчатые двери поддались не сразу, глухо скрипя не смазанными петлями.

Просторный зал прихожей наполнился кислым запахом усталости и его носителями: секретари в льняных рубашках и жилетах, роняя бумаги, бегали вправо и влево; стражники в серых стеганых куртках бряцали стальными наплечниками, принимая документы с недовольными лицами. Даже один гвардеец — высокая девушка стояла на лестнице, статная и, казалось, безжалостная, словно зимний ветер, и переговаривалась с потрепанным мужчиной. Он постоянно поправлял очки и водил пальцем по бумаге, но внимание Сольвейн привлек не он. Она не моргая смотрела на сверкающую крестовину длинного меча, в которой скользили золотые солнечные лучи. Судя по ножнам, клинок был узким, но наверняка тяжелым, а в случае Сольвейн — неподъемным по цене и той смелости, которой ей бы в жизни не достало, чтобы попросить гвардейца, облаченного в белую форму, подержать меч в руках.

Продолжать так нагло пялиться было бы просто неприлично, и потому Сольвейн постаралась ободриться — быстро вздохнула и поспешила в правое крыло. Она помнила куда свернуть, чтобы попасть в кабинет господина Гримвига. И пусть его полномочия не распространялись на западные кварталы, он наверняка выручит и отнесет документы нужному клерку.

По дороге среди споров о сломанных питьевых фонтанах и подземных резервуарах порой мелькали разговоры о коллегии строителей. Новости, заставляющие хмуриться все больше и больше:

— Тридцать человек отравились. Блюстителю не смогли решить все на месте — отвезли людей в Доминиум на телегах. А что стражники? Им бы читать научиться, — слышалось из приоткрытых дверей кабинетов.

Сольвейн оглянулась, жмурясь от яркого света, что заходил через окно в дальнем конце коридора. В голове послышались подслушанные вчера голоса и по спине пробежал холодок. Отец и незнакомец. Встреча не в доме, а на заднем дворе. Один золотой в ее кармане и вопросы, которых, по словам отца, в коллегии строителей никто не задал.

Она постучала в дверь, но мысли занимали совершенно иные вещи: детали, некоторые сломанные ложью о своей работе, другие целые, хранящее тепло отцовских рук и веселые проделки брата. Мозаика с поблекшими красками, грозящая треснуть от возможной правды. Отец причастен к массовому отравлению?

— Госпожа Сольвейн! — улыбнулся мужчина, откладывая перо и поднимаясь со стула. — Я ожидал вашего отца, он в добром здравии?

— Да... — потупила она взгляд, — Да, он в порядке, попросил меня занести бумаги.

Господин Гримвиг, ровесник отца лишь по годам, сохранил на своем гладковыбритом лице свежесть и смуглый цвет неувядающей юности. Повезло же иметь в роду солнечный народ.

— Расскажите, что это за проект? — спросила она, передавая конверт. — Я глянула мельком, но ничего не поняла.

Он вышел из-за стола и достал бумаги, пролистывая документы. Его внимательные зеленые с золотом глаза удивительно быстро изучали содержимое.

— Реставрация стоков, — ответил господин Гримвиг, не поднимая взгляд. — Сигвард отправил рабочих на исследование старых участков и подготовил отчеты. Теперь мы можем заняться ремонтом.

Сольвейн тут же вспомнила слова Вельры и не удержалась:

— То есть, этот контракт вы не стали с ним заключать? — возмутилась она. — Вы же знаете, в каком положении наша семья! Отец в состоянии...

— Послушайте, — мягко улыбнулся господин Гримвиг. — У вашего отца недостаточно рабочих. К тому же, у него нет лицензии на работу в западных кварталах — там подземная река и...

— Да я сама спущусь в стоки!

— Я знаю, — вздохнул он и кивнул. — Мне удалось достать разрешение, чтобы Сигвард исследовал старые участки. Ему хорошо за это заплатят — аванс в четыре золотых уже у него, и, после проверки отчетов, еще четыре. Он сможет погасить долги и даже заплатить рабочим за следующий месяц. Однако, ремонтом будет заниматься компания виконта Сенкора. Мне жаль, Сольвейн.

— Нет, я... простите, что вспылила. И спасибо, господин, — она поклонилась, приложив руку к груди. Ее щеки залил румянец, опалая и стыдом, и облегчением. Золотая монетка сразу перестала оттягивать карман.

— Да, кстати, — улыбнулся он и отошел к столу, поднимая из ящика тонкий футляр. — Небольшой подарок, у тебя ведь был день рождения?

Она кивнула и с щелчком открыла крышку. Внутри, на синем бархате лежал стержень из красного дерева.

— Это перо, — пояснил господин Гримвиг, жестом предлагая снять колпачок. — Если отделишь наконечник, увидишь емкость — внутрь можно залить чернила.

— Благодарю вас! — широко улыбнулась Сольвейн, рассматривая листовую гравировку, идущую вдоль прорези, разделяющей зубья. — Очень красивое.

— Пользуйся с удовольствием.

Выйдя из кабинета, Сольвейн поймала себя на том, что подтанцовывает на каждом шаге, ловя недоуменные взгляды секретарей. Ну и пусть. Дела не так уж и плохи, как казалось за завтраком, а к инциденту с коллегией строителей отец точно не может быть причастен.

К выходу пришлось проталкиваться, прикрывая карманы, а на ступенях — обнаружить пару пыльных отпечатков чужой обуви на своих сапогах.

Свежий ветерок встрепенул полы пальто и подкинул волосы, а холодные лучи коснулись упавших на лицо прядей, окрашивая их в насыщенное золото. Сольвейн достала монетку из кармана — та посмотрела в ответ, предлагая потратить отчеканенный королевский дворец на зубной порошок и успокаивающий чай, который поможет отцу не ворочаться во сне. Она хихикнула при мысли о своем шарфе — его можно подложить отцу под подушку, подарив его снам травянисто-терпкие ароматы бескрайних лугов.

Уперев руки в бока, Сольвейн окинула взглядом широкий проспект. По дороге, поднимая пыль, спешили повозки и всадники, мужчины и женщины, стремясь получить от ясного дня все, что тот мог предложить. Она не будет исключением.

Судя по провожающим взглядам, ее улыбка была такой же яркой, как сияющие гербы на каретах. Полированная сталь, блестящее серебро и искрящееся золото, прибитое к лакированным деревянным стенкам. Цветы, мордочки животных, скрещенные клинки и надутые паруса.

Сольвейн поймала себя на том, что ищет облаченного в доспехи ястреба или ворона с оперением из синих стекляшек. Хотя... встретиться ей маркиз Эсиль Лорик или граф Тальрих Фотальд прямо на улице, гвардейцы к ним просто не подпустят. Да и что она скажет?

Скорчив рожицу самой себе, она направилась в гильдию наемников. На пути встретилось несколько аптечных лавок, пыльных и ухоженных, заставленных шкафами с множеством ящичков и пучками трав, подвешенными к потолочным балкам. Пухлый мужчина в льняном фартуке и очках согласился продать полбанки зубного порошка за два серебряных.

— У тебя золотой, а ты еще и торгуешься? — нахмурился он.

— Разменяете? — ответила Сольвейн жалобным взглядом.

— Если купишь еще чего-нибудь, — причмокнул губами аптекарь и указал на склянки с мутным содержимым.

В конечном итоге в гильдию она добралась, тихо звеня карманами. Казалось бы, к записной книжке, ножу и фляжке прибавились лишь две баночки — зубной порошок и масло розмарина за один серебряный — и небольшой футляр с пером, но содержимое уже упиралось в ребра.

Привычные стены, закрытые светлыми деревянными панелями, словно обняли ее. Плечи расслабились сами собой. Два года работы и лжи, вскрытой почти всеми, кроме отца. При этом, без двух монет семьдесят золотых, потраченных на одежду для себя с Леви, жалованье Вельры и, чаще всего, на заполнение полок кладовой.

— Сольви! — окликнул распорядитель.

— Господин Дегар, — широко улыбнулась она и подошла ближе, облачиваясь на стойку.

Мужчина в тонких очках на цепочке с зачесанными назад темными волосами рассеянно улыбнулся в ответ. При виде его приталенного жилета из синего бархата, уголки ее губ дрогнули. Теперь у нее есть такой же.

— Подберете мне поручение?

— Парочка завалялась, как раз для одинокой и безвестной наемницы, — качнул он головой и открыл журнал.

— Не такой уж и одинокой, — надулась она щеки. — Я и без отряда много чего могу.

— Да-да, — последовал безразличный ответ и шорок бумажных листов. — Госпожа Ноклинде просила...

В голове сразу раздался кошачий вой, а в руках оказались клоки шерсти.

— Что-нибудь другое, — поежилась она.

Господин Дегар глянул исподлобья.

— Ты хоть дослушай. Она заплатит три серебряных, если проводишь ее в Северный район — она хочет навестить подругу.

Сольвейн обреченно вздохнула.

— Зачем госпожа возит с собой кошек? Она милая старушка, но... — она подняла бровь и добавила, — Вы хоть знаете, откуда я потом шерсть доставала?

— В любом случае, госпожа Ноклинде ждет тебя через три дня, — пожал плечами распорядитель.

— А сегодня? Доставка, уборка, или может... — Сольвейн постучала пальцем по губам, — Что угодно.

Господин Дегар демонстративно снял очки и, протирая стеклышки краем рубашки, осмотрел зал.

— Есть кое-что, — тихо сказал он. — Нужно весь день сопровождать заказчика. Платит два золотых...

— Два! — выпучила она глаза.

— Тихо ты, — осек он и осмотрелся еще раз. В зале было всего четыре наемника, но они не обернулись. — Я не могу назвать имя и... Честно говоря, не уверен, что ты справишься.

Глава 2. Фиалка, укрытая черными перьями

Отпрянув от стойки, Сольвейн нахмурилась.

— Как это, не можете назвать имя? С каких пор гильдия берет анонимные заказы?

— Забудь, — ответил господин Дегар и придвинул журнал. — Вот заказы на доставку.

Если шустро справишься, за сегодня соберешь два серебряных нумма.

Сольвейн сложила руки на груди и прищурилась.

— Вы машете перед моим носом золотом и предлагаете работать за медяки?

— Это не твой уровень.

— Господин Дегар, показывайте уже.

Он тяжело вздохнул, лизнул указательный палец и открыл журнал на нужной странице.

Сольвейн быстро пробежалась по строкам и ничего не поняла: прочерк в имени, задача — сопровождение и охрана до восьмого боя колокола, оплата в два золотых.

— От чего нужно охранять в городе? — озадачилась она.

— Говорю же, не твой уровень.

— Где я могу встретиться с заказчиком?

По ту сторону стойки раздался еще один тяжелый вздох.

— Ладно, так или иначе, он тебя отведит. Второй этаж, третья приемная. Только постучись прежде, чем зайти, — долетело в спину.

На лестнице и в коридорах переговаривались наемники — мастера в пыльных кожаных фартуках и толстых перчатках, с молотками, заправленными в пояса. На втором этаже собрались травники с заплечными корзинами и охотники в потрепанной когтями кожаной броне. В отряде Рангиля говорили, что на севере с чтением и письмом все очень плохо, и потому, например, в Вальдорфе или Квархольте, в гильдии есть даже наемные секретари. Сольвейн тихонько вздохнула, сетуя, что в Кларандуме этого мало, чтобы получать плату.

Пара человек приветственно кивнули, другие лишь отстраненно осмотрели ее сапоги и пальто.

Она остановилась перед дверью в третью приемную и постучала.

— Войдите, — отозвался мужской голос. Непривычно мягкий в сравнении с теми, что обычно слышны в гильдии.

Шагнув в комнату, она слегка поклонилась.

— Доброго утра, господин.

На скамейке сидел молодой парень в плаще. Сольвейн подняла брови в легком удивлении, глядя на правильные черты его лица. И волосы — черные, отливающие синим, они блестели на свету словно застывшая угольная смола. Столь редкий цвет для жителей Кларандума... всего королевства, чего уж. Кажется, лишь выходцы из деревень близ роши Авенем могут таким похвастаться. Охотники и следопыты. Однако, взгляд парня, не острый и хищный — скорее чуть надменный, с легким прищуром, будто видел плохо. К тому же, бледность, что появляется лишь в закрытых помещениях, которую вполне можно назвать благородной, намекала, что вероятный заказчик не проводит много времени под солнцем двенадцати. Слишком светлый для человека, который станет лично посещать гильдию.

Он сразу поднялся и жестом предложил сесть на скамью напротив. Сольвейн не удержалась и нахмурилась, наблюдая его вежливую, слегка неловкую улыбку.

— Сольви, — представилась она.

— А я... — подавшись вперед, он сразу осекся.

— Распорядитель предупредил, что вы не станете называть своего имени, меня это устроит, — кивнула она. — Расскажите о вашем поручении.

Парень почесал висок, отводя вбок плотно сжатые губы.

— Вы очень молоды и... где ваше оружие?

— Мой меч в ячейке внизу.

Он встретился с ней взглядом.

— Насколько хорошо вы владеете клинком?

Сольвейн нервно улыбнулась.

— Простите, с чем вам требуется разобраться? — не удержалась она, подавшись вперед.
— Я не уверена, что для прогулки по городу требуется опытный боец.

— Вы не ответили на вопрос, госпожа наемница, — вскинул он бровь, отчего ее изгиб напомнил поднятое крыло.

— Как и вы, господин заказчик.

Парень нахмурился и повел плечом. От движения его плащ приоткрылся. Под ним Сольвейн увидела ворот белой рубашки из хлопка и шелковый платок, повязанный на шее. Однако, дорогие ткани не заставили ее отпрянуть так, как это сделала овальная брошь, приколотая к узелку платка — мутный фиолетовый камешек, обрамленный в полупрозрачный голубой металл. Дымный аметист в Эфирном серебре.

— Вы чего? — смутился он, заметив ее растерянность.

Сольвейн прочистила горло и произнесла:

— Господин, вы же... — она глянула искоса. — За вашу брошь можно выкупить и здание гильдии, и квартал, где она стоит. Почему не обратились к гвардейцам?

Он резко поднялся, задирая подбородок. Его щеки залил румянец.

— Мне обещали, что вопросов не будет. Доброго дня.

Сольвейн подскочила, едва не опрокинув скамью.

— Пойдите! Я не хотела вас оскорбить, но... мне же нужно знать, что от меня требуется!
— она удержалась, чтобы не схватить его за локоть. — Мечом я владею достаточно... на уровне, скажем, сержанта стражи.

— Этого может не хватить, госпожа Сольви.

— Просто Сольви, — улыбнулась она и раскрытой ладонью предложила вернуться на место. — Прошу вас, расскажите уже, что за дело такое.

Парень шумно выдохнул и опустился на лавку. Брошь прикрыл воротом плаща.

— Подземные каналы, — произнес он, глядя прямо. Сольвейн наконец удалось увидеть цвет его глаз. Такой же фиолетовый, как его брошь. — Мне нужно спуститься и кое-что выяснить. Это опасно и... кажется, вы не подходите для такой работы.

Сольвейн набрала в грудь воздуха, пытаясь вспомнить хоть один случай, когда благородный господин спускался в подземный город. В голову не пришел ни один.

— А как же... — чуть не задала она вопрос, но вовремя одернула себя. — То есть, как я слышала, городская стража с Корректором совсем недавно проводили зачистку. Уверена, они истребили в стоках всю живность.

Парень распахнул глаза.

— Доминиум таким занимается?

— Конечно, — недоуменно нахмурилась она. И тут же уверенно соврала, — Я отлично ориентируюсь в подземных каналах, знаю спуски и подъемы.

— А тварей? — подался он вперед.

Улыбка далась ей легко, открытая и светлая, как солнце Наттлумена за окном. Парень ведь не спросил, была ли она там лично.

— Все, что носит чешую, сейчас спит. Самое опасное, что может нам встретиться — квеллиры, но они птицы, им незачем спускаться во тьму, — честно ответила Сольвейн. — Если скажете, куда именно вы хотите пойти, я смогу ответить точнее.

Парень поморщился, но кивнул несколько раз. Пара прядей упала ему на лоб, словно угольные росчерки на холсте.

— Это место в Южном районе.

Она поджала губы, сдерживая победный клич. Хоть ноги и не помнили южные каналы, в голове была карта, составленная из чертежей отца. Почти четкая.

— Я проведу вас, куда захотите. Буду защищать по дороге, хоть от змей, хоть...

— Не продолжайте, — поднял он ладонь и кратко улыбнулся. — Говоря откровенно, у меня есть сомнения, как бы сказать... в вашей пригодности.

— Я участвовала в шести походах, зачистила восемь гнезд...

— Нет-нет, речь именно про стоки, — мягко перебил он и смущенно добавил, — Там ведь... ну, вы понимаете — нечистоты.

— Смрад? — усмехнулась она, откидываясь на спинку лавки. — Стараниями коллегии водных мастеров воздух там свежее степного ветра.

По наморщенному лбу парня стало ясно, что сравнение вышло чересчур смелым. Потому Сольвейн добавила технических деталей: рассказала про устройство отводных труб, об их расположении, а также процитировала часть из отчета Блюстителей разума, изучавших пробы воздуха.

— И вы знаете это, потому... — недоверчиво начал он.

— Потому что я единственная, кто может вам помочь, — закончила она с улыбкой. — Итак?

— Зовите меня... — он бросил быстрый взгляд под скамейку, — Свартин.

Сольвейн протянула руку.

— Так и быть, господин Свартин, — произнесла она, пожимая теплую ладонь. — Надеюсь, вам понравится подземная прогулка.

Вдвоем они покинули приемную, ловя в коридоре заинтересованные взгляды наемников. Дверь с тихим скрипом закрылась. На первый этаж спустились молча. Сольвейн сразу подошла к стойке с очередью и немного подождала господина Дегара. Оглянувшись на своего заказчика, разглядывающего потолочные балки, она довольно заявила:

— Согласился.

— Надо же, — слегка удивился тот и бросил короткий взгляд вправо, приготовив перо. — Как назвался?

— Свартин.

На странице заказа вместо прочерка появилось имя.

— Замечательно, — кивнул распорядитель, глядя вверх очков. — Однако, Сольви, учти — если с ним что-то случится, то...

— Я уже поняла — у него на шее Эфирное серебро, — улыбнулась она, достала из кармана камзола две баночки и футляр с подаренным пером и протянула через стойку, — Уберите в мою ячейку, пожалуйста.

— Меч возьмешь?

Она кивнула и проводила господина Дегара взглядом, после чего повернулась к своему заказчику. Господин Свартин настороженно озирался по сторонам. Пару раз его случайно толкнули в плечо, однако, вместо положенных для людей его происхождения негодований и угроз, его губы складывались во что-то похожее на извинения. Может, он не аристократ вовсе? Что, в таком случае, на его шее делает брошь из столь редкого металла?

Вскоре вернулся господин Дегар и передал ножны с клинком. Подаренный вчера на прощание и оставленный в гильдии на случай, если отец решит подняться в ее комнату, короткий меч с круглым, полированным до блеска навершием и крестовиной в виде полумесяца, чьи рожки смотрели на острие, приятной тяжестью лег в ее ладонь. Конечно, он не сравнится с увиденным утром на поясе гвардейца, однако, был вполне достоин, чтобы обнажить его перед господином Свартином, убеждая в своей надежности.

— Я готова, — подойдя к нему, улыбнулась Сольвейн. — Можем отправляться.

Выйдя на улицу, пришлось зажмуриться. Солнце встретило теплом, рассеять которое слабому ветерку было не под силу. И почему в Наттлумен оно зовется Робким? Стоило провести под ним десять минут, как голову стало припекать.

Господин Свартин что-то поправил под плащом и обернулся к ней.

— Скажите, как часто вы бывали в подземных каналах?

— Не сказать, чтобы работала только там, — пожалала она плечами.

— И все же?

Сольвейн помедлила с ответом, не отводя взгляд. Пришлось припомнить истории других наемников.

— Несколько раз искала упавшие в стоки украшения — фамильные перстни или ключи от сундуков. Однажды пришлось собирать осколки люминографии, — с улыбкой перечислила она.

Нахмурившись, господин Свартин отошел с пути гремящей телеги и вновь повернулся к ней.

— Кому же пришлось в голову выносить ее из дома?

— Не уверена, что могу делиться подробностями, — понизив голос произнесла она.

И тут же, усмехнувшись, поведала историю о торговце, что возвращался из Доминиума с женой и новорожденным сыном, держа в руках запечатленный в стекле момент. Увы, как часто бывает под вечер, оживленные улицы весьма жестоки к хрупкому счастью. В гудящей толпе, спешащей разобраться с делами, первая же случайная подножка — или толчок в плечо? — и люминография звонко разбилась, едва коснувшись мостовой. Часть крупных осколков упали сквозь решетку ливневки.

— Как же вы нашли их? И почему торговец просто не вернулся в Доминиум на следующий день?

Сольвейн остановилась у тележки с фруктами и купила два красных яблока. Продавец разменял серебряный, возвращая девять медных.

— Осколки упали в проход между каналами — не пришлось искать в воде, — ответила она, предлагая яблоко.

Господин Свартин принял его обеими руками.

— Благодарю.

— Только протрите, — предупредила она, используя рукав пальто для своего. — А почему не вернулся? Может и вернулся, только вот, скорее всего отстоял не одну очередь к Корректорам.

С хрустом надкусывая яблоко, Сольвейн наблюдала за господином Свартином. Он достал платок и тщательно протер свое. На уголке белой ткани сверкнули инициалы, вышитые серебряной нитью, однако, разобрать их не вышло.

На оживленной улице среди рабочих в стеганых куртках, телег с овощами, бочками и сеном, Свартин смотрелся неуместно. Даже скрывая под плащом брошь и рубашку из хлопка, ослепляющего белизной и стоимостью, он выглядел скорее избалованным слугами юношей, чем загадочным нанимателем, которого вдруг заинтересовали подземные каналы: чистые руки, настороженный взгляд, начищенные кожаные сапоги.

Сольвейн поймала себя на том, что откровенно пялится на его лицо и отвернулась — впереди от ветра скрипела весьма интересная вывеска постоянного двора.

— Нам сюда, — подал голос господин Свартин и указал на поворот.

Он сам указывал дорогу, порой останавливаясь и уточняя направление, но конечную цель так и не назвал. В результате, путь — от гильдии на юго-востоке до центральных кварталов Южного района — занял полтора часа.

Колокол Доминиума оповестил город одиннадцатикратным звоном, когда, наконец, Сольвейн поняла, куда именно хочет спуститься ее заказчик. Впереди за серыми черепичными

крышами показалась коллегия строителей. Чердачное окошко пряталось в тени покатой крыши и с подозрением наблюдало. От мыслей по спине пробежал холодок. Кто ее заказчик и что хочет найти? Дура Сольвейн, успокоилась, когда вышла из кабинета господина Гримвига. Так хотелось поверить в невиновность отца, что забыла про подслушанный разговор?

Она стиснула зубы, обзывая себя такими словами, от каких Вельра облысела бы, услышь та хоть одно.

— Вам нехорошо? — спросил господин Свартин, наклоняясь ближе.

— Вовсе нет, просто... вспомнила о завтрашней работе, — качнула Сольвейн головой.

В ответ она получила краткую улыбку, от которой кольнуло под ребрами. Сколько раз за сегодня она соврала?

Они остановились в глухом переулке. Стены двухэтажных домов по обе стороны закрыли от теплого света, за спиной слышались голоса прохожих, стук копыт и лязг доспехов стражников. Впереди в плотной тени поджидал спуск в каналы — невысокая постройка, сложенная из серо-зеленого камня, с потемневшей от времени деревянной дверью.

Сольвейн нажала большим пальцем на железный язычок, откидывая щеколду. Но, прежде чем открыть, обернулась.

— Господин Свартин...

— Достаточно просто Свартин, — кивнул он и достал из-под плаща небольшой фонарь.

— Свартин, — сказала она и набрала в грудь побольше воздуха. — Я могу вам доверять?

Он нахмурился.

— О чем вы? Мне следовало заплатить аванс?

— Нет. Я говорю о вашей цели, — твердо ответила она. — Если вы задумали что-то незаконное, пожалуй, лучше вам поискать другого проводника.

Он слегка отпрянул и улыбнулся.

— Поздновато вы спохватились. Однако, — подняв указательный палец, он пошарил в плаще и протянул свернутый пополам листок. — Слышали про отравление? Это доклад со стола капитана Южного гарнизона стражи.

Сольвейн вжала голову в плечи.

— И откуда он у вас?

Он снова улыбнулся.

— Знакомый передал, никакого воровства.

Она быстро пробежала взглядом по строкам. Вроде бы записи и правда похожи на отчет: указание точного времени, имя ответственного лейтенанта — некоего Ольтага, и прочее, вплоть до списка пострадавших.

— И вы хотите узнать причину отравления? — по-прежнему недоверчиво косясь, спросила она. — На месте были Блюстители, и все подозревают некий порошок в строительной смеси.

Он не смутился и понимающе кивнул.

— Все так, однако, насколько мне известно, под зданием коллегии не проверяли.

Затем подошел настолько близко, что сомкнул их плечи, и указал на строки в середине отчета. Сольвейн не отшатнулась, начав следить за его пальцем.

— Обратите внимание на симптомы, — сказал он почти ей в ухо, отчего по коже на шее пробежали мурашки. — Пенная рвота желто-зеленого цвета, потемнение вен в локтевых сгибах и судороги.

Сольвейн растерянно посмотрела в его сияющие глаза.

— Простите, я ничего не знаю о...

— Это определенно не строительная пыль, — улыбнулся он, пряча шуршащую бумагу под плащ. — Что могло вызвать подобное? Сера, известковая пыль? Не-ет.

Его улыбка стала шире, обнажились зубы, а с ними — непривычно заостренные клыки в верхнем ряду.

— Мы имеем дело с какой-то тварью и явно не с четырехкрылым квеллиром. Хольстарский мох или тенистые розы Санкве, ядовитые до жути. Полагаю, их принесло течением из северо-западных лесов.

Она медленно моргнула и все же отошла на шаг. Мимолетный луч скользнул по его лицу, подсвечивая черты и восхищение — столь искреннее, что голову слегка наклонить и уже не отличить от одержимости.

— Сольви, теперь доверитесь мне?

— Пожалуй, — осторожно кивнула она.

Дверь тяжело скрипнула, с петель посыпались ржавые хлопья. Пара шагов во тьму, две ступени и дальше по длинной лестнице вниз. Вокруг сомкнулся воздух, влажный и теплый, почти вязкий, коснулся шеи и лица, заполняя легкие прелым застоем.

Сольвейн поморщилась и услышала за спиной легкую усмешку:

— Свежее степного ветра, говорите?

Фонарик — стеклянный куб в стальной оправе — едва справлялся с мраком, что не уступал плотностью подземному воздуху. Свет замерцал. Сольвейн обернулась — Свартин закрыл лицо белой тканью.

— Настолько неприятно? — не удержалась она, шагая по ступеням.

— Поможете завязать? — попросил он и повернулся спиной, придерживая уголки тремя пальцами. — Вам бы тоже лицо прикрыть — как никак, идем на охоту.

— На охоту за мхом, по вашим же словам, — беззлобно усмехнулась она.

Спорить не стала — господин Свартин достал запасной отрез белой ткани и помог закрыть ей нос и рот.

Сольвейн попросила фонарь и, осматриваясь, подняла его выше. Огонек подрагивал, словно от ветра. Теплый свет ложился на стены, тонкими тенями очерчивая каждый позеленевший от влаги камень. Островки черной плесени заняли стык стен и пола. По спине пробежала приятная дрожь от возникшего азарта: видеть чертежи на шершавой бумаге одно, совсем другое — стоять под шумными улицами, слушая тихое журчание.

Прямой коридор терялся во тьме, доносился тихий плеск и звук падающих капель. Гранитные стены, несмотря на ширину, вызвали странное чувство, дыхание сбилось на миг. Всего на миг. Сольвейн откинула полы пальто и обнажила меч, оглашая подземелье чистым металлическим звоном.

— Не против, если фонарь будет у меня? Ближе к воде не подходите и посматривайте на потолок.

Господин Свартин передал свет и последовал за ней. Поверх шепота воды раздавались их шаги, осторожные и тихие, подошвы хрустели мелкой крошкой осыпавшегося со стен раствора. На скругленном потолке замершими призраками висела позеленевшая паутина.

Вскоре в островке света показались первые ориентиры: коридор упирался в канал под прямым углом; узкие дорожки почти вровень с водой уходили влево и вправо, но главное — на противоположной стороне, за быстрым потоком, удалось разглядеть нишу, что поднималась до самого потолка. Дышалось здесь легче, без липкого ощущения гниющей сладости.

— Воздуховод, — пояснила Сольвейн, указывая на железную решетку.

Свернули влево, порой перешагивая через канавки с нечистотами, стекающими в быстрый поток. Морщить нос пришлось лишь дважды — не от запаха, а от вида жижи, медленно ползущей по углублению в стене. Сольвейн не стала разглядывать содержимое. Ее вниманием целиком овладел темно-зеленый поток канала по правую руку и тьма впереди, отступающая при каждом шаге навстречу. В воде порой мелькала чешуя, рыба или змеиная, позади слышался тихий трепет чего-то, что стряхивало с себя капли.

Прямо шли довольно долго, слушая плеск и хлопанье. Тьма не давала к себе привыкнуть, глаза приходилось напрягать, улавливая движение на границе света. Сольвейн каждый раз выдыхала в ткань с облегчением, слыша крысиный писк, а не шорох перьев и звонкий клекот.

Наконец показался узкий каменный мостик на другую сторону. Шириной всего в две ладони, на вид хрупкий, словно из песка, покрытый блестящей в свете фонаря желтоватой слизью.

— Мы уже близко, — произнесла Сольвейн, направляя острие меча на переход. Голос эхом отозвался от стен.

Свартин поежился и ответил что-то односложное.

— Здесь неглубоко, — успокаивающе добавила она. — По пояс, самое большее — если упадем, не утонем.

— Это не из-за... плаваю я хорошо, — тихо ответил он и поднял руку, указывая на скругленный потолок, — Слизь, мерзко.

— Придется нам пригнуться, — пожалала она плечами.

Согнувшись пополам, чавкая подошвами, она быстро перешла на другую сторону. Следом пошел Свартин. Сольвейн убрала меч в ножны, протягивая ему свободную руку. Двигался парень на удивление ловко, будто шаг в полуприседе ему преподавали наравне с учтивыми поклонами. Тем не менее, ее руку он принял.

— Теперь куда? — спросил он, поправляя что-то под плащом.

Сольвейн подняла фонарь выше и осмотрелась.

— Дайте подумать.

Водный поток теперь журчал и плескался по левую руку. Дорожка стала уже, отчего приходилось прижиматься к стене правым плечом. Оставалось надеяться, что пальто не придется чистить пенным порошком.

— Скоро повернем направо, — наконец ответила она, обернувшись к спутнику. — Вы как, идем дальше?

— Угу, — быстро кивнул он.

— Знаете... — напрягла она лицо и достала из кармана нож. — Пусть будет у вас.

— Зачем же? — отпрянул он в недоумении.

— Возьмите, только в спину не бейте, — улыбнулась она.

Он потупил взгляд, поджав губы. Нож взял двумя руками.

Из-за жижи с моста подошвы какое-то время липли к полу. Пришлось счистить приставший налет о бортик канавы.

— Та-ак... вы часто бываете в подобных местах? — донеслось из-за спины. — Мне показалось, что вы... ну, вам не противно.

— Отчего же, — рассеянно ответила она, заглядывая за угол. — Меня, как и любого, воротит от вида и запаха, но... — она опустила фонарь, подсвечивая канавку, — Осторожнее, здесь скользко.

Они свернули вправо и оказались в широком коридоре, оставляя канал позади. Воздух вновь стал затхлым. Сольвейн выдохнула с облегчением, заметив на стене блик железной таблички.

— Почти на месте, — бодро произнесла она и указала на надпись.

— Интересно, — пробормотал господин Свартин, разглядывая ржавые уголки таблички. — У коллегии строителей ведь большое здание, уборных должно быть много, где же сток?

Сольвейн постучала носком сапога о каменный пол.

— Здесь. Стоки под крупными зданиями глубже, нежели под обычными жилыми. Таким образом, вода из подземного резервуара и нечистоты не смешиваются.

— Вы и правда много знаете.

Судя по тону, он произнес это с улыбкой. Его лицо, закрытое наполовину повязкой, подсветил фонарь. Взгляд, одновременно надменный и растерянный прежде, сейчас казался теплым, как дрожащий огонек под стеклом. Она быстро отвернулась, прочистив горло, и махнула рукой во тьму коридора.

— Впереди будет стена резервуара.

— Дышите через повязку, — предупредил Свартин и пошел следом.

Оглядывая серо-зеленые стены и пол, Сольвейн услышала за правым плечом тихий звон стекла — Свартин достал из-под плаща заплечную сумку и прямо на ходу начал рыться в содержимом.

— Скажите, что вы будете делать, если найдем что-нибудь?

— Ну-у, — натужно протянул он, пытаясь вытащить что-то тяжелое. — Мох соберу и отдам Блюстителям, Корректоры или Цензоры очистят территорию. А вот розы... будем надеяться, что обошлось без поцелуев Санкве.

— Сейчас же зима, — нахмурилась Сольвейн. — Как розы могли прорасти под землей?

— Это не совсем розы, скорее, х-м, папоротник. Опасны именно споры.

Он наконец извлек из сумки нужный предмет — еще один фонарь, больше, чем первый, с черной свечой. В несколько движений огонь из первого оказался во втором, и фитиль загорелся синим.

— Увидите нечто вроде искр или блесков — не подходите близко.

В островке света смешались мерцание желтого огонька и холодная дрожь голубого сияния. Отчего-то показалось, что стало лишь темнее, но при этом ее тело покинуло напряжение. Словно на плечо легла ладонь, забирая неуверенность и лишние тревоги. Ее шаг стал шире, голова более не дергалась от плесков и шорохов за спиной. Даже мелькнула не совсем уместная мысль — о запахе, которым должна быть пропитана одежда Свартина. Увы, из-за шарфа с лавандой уловить его не удавалось, но в голове не возникло сомнений, что от него должно пахнуть недавно сорванной горькой абсинтией.

Сольвейн оглянулась на него, заметив, что он уже надел кожаные перчатки и вооружился длинным пинцетом. Полированная сталь блеснула в синем свете фонаря.

Пройдя в молчании, они уткнулись в стену подземного резервуара. Камень казался влажным, был покрыт бледным кружевом плесени и лишайников. Через каждые десять шагов в каменной кладке располагались неглубокие ниши, а в них, выпирая в проход, стояли закрытые бочки.

— Давайте поменяемся, — предложил Свартин и протянул свой фонарь. — Я посмотрю здесь, а вы проверите дальше, но...

— Ближе подходить не буду, — кивнула Сольвейн.

Она направилась в левый проход, двигаясь вдоль стены. Синий свет оказался слишком тусклым, глаза сразу заболели. Во тьме за бочками могло прятаться всякое. Кровь тихо зазвенела в ушах от тишины и вновь подступающей тревоги. Она крепче сжала рукоять меча и оглянулась на присевшего на корточки Свартина. В круге теплого света он походил на ожившую тьму с белым лицом, одновременно вызывая холодок между лопатками и странное желание не отворачиваться.

Добравшись до поворота, Сольвейн повернула обратно. Незачем оставлять заказчика одного.

— С этой стороны ничего, — окликнула она.

— Угу, — ответил он, не поднимая головы и продолжая скоблить зазор между камнями в полу.

— Что вы делаете? — спросила она, подойдя ближе.

Свартин поставил фонарик и вытащил из сумки пробирку, стряхивая в нее собранную пинцетом пыль.

— Это нужно для сравнения: обычная проба и, если найдем, ядовитые споры. В Доминиуме не любят, когда я... — он вздохнул и поднял голову. — Проверьте с другой стороны, а после обойдем резервуар по периметру.

Сольвейн кивнула, не смея задерживать взгляд, и пошла вправо. В спину доносилось тихое бряцание пробирок и щелканье пинцета. Вот и все звуки подземелья. Квеллиры, будь они ростом ей по пояс, давно уже бросились бы, пуская в ход клювы и когти; стрелохвостов выдал бы низкий рык и трещание хвостовых игл. Почему тогда сердце забилося чуть чаще? Из-за двух золотых, которые она получит или из-за мысли, что поручение скоро закончится, а она даже не знает настоящего имени своего заказчика?

Она громко выдохнула, выгоняя из головы все, что не касалось работы. Черные тени от бочек — вот, что должно ее интересовать, а не белая ткань, прижимающая мочку его уха.

Однако, угольные, упавшие на его лоб пряди, внимательный взгляд столь необычных фиолетовых глаз и улыбка, что у другого человека казалась бы хищной, осветили в ее мыслях окружающие стены с бочками. Скрип кожи сапогов словно раздавался не в подземных каналах, а на пыльной дороге, ведущей в Доминиум. Свартин ведь нанял ее до восьми вечера, потому предложение проводить его не должно показаться чем-то из ряда вон.

Вдруг в подошву впилося что-то острое. Сольвейн наклонилась, опуская руку с фонарем — на полу показались черные следы, будто по камням тащили мешок. Однако, стены подсказали, что именно тут произошло.

— Свартин, идите сюда! — позвала она, разглядывая ниши, в которых лежали горстки пепла и ржавые ободы.

— Нашли пыльцу?

Он подошел, гремя содержимым сумки. Желтый свет его фонаря подтвердил догадку — весь коридор от пола до потолка покрывал слой сажи, словно здесь взорвали бочку со спиртом.

— Надо же, — тихо произнес Свартин и провел по стене двумя пальцами.

По рукам пробежали мурашки, когда он поднял фонарь выше. Откуда люди могли получить столько огня?

— Неужели прорыв подземного газа? — предположила она, стараясь уловить запах.

— Под Кларандумом нет месторождений, — качнул головой Свартин. — Тут другое, больше похоже на горючую жидкость.

— Но зачем?

Тут он поднял руку и снял ткань с лица. В темноте, среди теплого мерцания, от его сияющих глаз и улыбки с заостренными зубами у Сольвейн похолодели ладони. А затем он, напрочь рассеивая образ, произнес радостно, словно мальчишка:

— Чтобы сжечь улики! Ни мха, ни роз Санкве мы тут не найдем, но сможем доказать стражникам, что отравление в коллегии — не производственная ошибка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.